

63.3 (2Р36-4КУР)

п 55

100000

марафонский поэтический
конкурс «Большой Фонд»

от составителей

ПОМНИ ВОЙНУ

Том IV

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Курганская областная библиотека им.
А. К. Юргола 2004

Книгохранилище

002К

К03(07)

Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне

ПОМНИ ВОЙНУ
Том IV
Детство, опаленное войной

Книга издана по инициативе Губернатора
Курганской области О.А.Богомолова

Составители: А.И.Букреев, В.А.Есетов

Администрация Курганской области, составители выражают искреннюю признательность воспитанникам и воспитателям детских домов, журналистам, краеведам, работникам архивов – всем, кто проявил заинтересованное участие в подготовке к изданию этой книги.

Сборник отражает героические и трагические страницы истории области, показывает лучшие качества Зауральцев: мужество, трудолюбие, милосердие, сострадание, готовность прийти на помощь в трудную минуту. Книга рассчитана на все категории читателей и может быть использована при изучении истории родного края в учебных заведениях области.

ISBN 5-86047-181-5

«ЖИВА ЛИ СКАЗОЧНАЯ РЕКА ИСЕТЬ?»

26 февраля 1944 года газета «Красный Курган» опубликовала информацию о том, что девочка Таня Румянцева на смотре художественной самодеятельности спела волнующую песню о Тане (о Зое Космодемьянской). Журналист перепутал: вместо имени «Клара» девочку назвал Таней. Но остальное было все верно: «С хорошими номерами детской самодеятельности пришли на смотр Погорельский и Шадринский интернаты. Уже сейчас можно говорить как о ярко выраженной творческой индивидуальности – о воспитаннице Погорельского детдома тринадцатилетней Тане Румяновой...».

Автор информации не ошибся в «яркой индивидуальности» юной певицы. Сегодня весь мир знает этот голос. А лучше сказать – голосок, потому что Клара Михайловна Румянцева поет за своих удивительных персонажей светлым, звонким и неповторимым голоском (Чебурашка, Заяц, Крошка Енот и другие).

«Сейчас, когда Клара Михайловна стала профессиональной артисткой, – пишет один из критиков, – она вспоминает далекое Зауралье, куда была эвакуирована семья Румянцевых...». Но Клара Михайловна Румянцева вспоминает не просто Зауралье, она вспоминает Шадринск и Погорелку! В адрес областной газеты «Красный Курган» она однажды написала: «Большое-пребольшое спасибо за то, что вы помогли восстановить мне связь с моей Погорелкой. Сразу после той заметки в вашей газете мне написали письмо из моей родной Погорельской школы. Еще работает учительница, у которой я училась! Там теперь совхоз свиноводческий, лучший в республике».

К сожалению, нет уже в живых той учительницы. Разъехались в разные концы страны и соученики. Нет и самого создателя того знаменитого, «лучшего в республике» совхоза «Красная звезда» – Григория Михайловича Ефремова. Но живет память о родной Погорелке в сердце девочки, которую вместе с другими детьми согрели в войну зауральские сельчане. Клара Михайловна вспоминает: «Никогда не забыть тех лет, не забыть людей, которые так тепло ко всем нам отнеслись. Всем им мы благодарны за все до конца дней своих. Но особенно мы помним Александру Ивановну Попову. Она каждую субботу отдавала нам свою баню, все три года. Оравушка детская в количестве 70-ти человек парилась там. Наверное, мы ей сгноили ее (баню – В.П.). Пусть уж она нас простит!.. Ребятки! Разыщите ее! Или, может там живет ее сын Алеша Попов, мой соученик».

Но нет ни Александры Ивановны (дай бог ей Царствия небесного!), ни ее сына. Погорелка дает разные адреса этого Алеши. Пока его не разыскал никто...

Клара Михайловна просила разыскать еще Гаврилу Васильевича Семенова, его жену Анастасию. Особенно этим людям благодарна ее мама, бывшая в те горькие годы директором эвакуированного из Днепропетровска в Погорелку детского дома (или как называет его К.М. Румянцева – детинерната).

«Никогда не забывала, не забуду мою школу, нашего прекрасного директора Андрея Ивановича (больше такого нигде не было), доброго, заботливого человека. Никогда не забуду, как он всех учеников в большие морозы встречал у порога школы и рассматривал наши носы и щеки – не обморожены ли. И кто обморозился (я как-то тоже отморозила щеки) вел к себе в кабинет и натирал гусиным жиром. У меня есть фотография нашего класса за 1943-1944 годы, я постараюсь переснять ее на Мосфильме и вышлю вам. А пока высылаю вам свою фотографию. Я участвовала в художественной

самодеятельности, мы выступали перед колхозниками, брали маленькую плату, а деньги сдавали в фонд обороны. Наш детинернат участвовал в областном смотре художественной самодеятельности – о нас писали в газете «Красный Курган» за 1944 год». Речь идет, видимо, как раз о той заметке, с которой мы начали этот рассказ о Кларе Румяновой.

В одном из писем Клара Михайловна сделала даже рисунок тех мест, в которых она с мамой и воспитанницами «маминого» детдома жила в Погорелке. Это очень важно сегодня, поскольку уже нет тех домов! На их месте встали или встают новые, большие, другие. К счастью, сохранился снимок частного двухэтажного дома, отданного погорельскими жителями эвакуированным ребятишкам. В нем и жила Клара вместе с другими детьми и с мамой. Через дорогу от этого дома был другой – в три окна на улицу, переходившую в дорогу к Исети. Клара запомнила даже железное кольцо на калитке «дома Поповых» (тот, что через дорогу от интерната). За интернатом был колхозный двор (рукой Клары Михайловны написано это!). Она же и написала, что улица-дорога вела к Исети, которую полюбила на всю жизнь. Не случайно спрашивает в письме: «Жива ли ска зочная речка Исеть и бор?» А еще запомнилось ребятишкам военной поры, сколько было в том бору ягод да грибов: «Так же ли много грибов и земляники?». Не только бор радовал и кормил в те годы! Запомнилось им навсегда, как речка Исеть тоже их кормила: «Выбрасывает ли весной в половодье Исеть сладкие корни «мучку», так их называли погорельские ребята раньше?»

В другом письме Клара Румянова писала, как жили в Погорельской школе, в интернате: «Дети просыпались рано. Дежурные рубили дрова, выполняли свои обязанности. Кто-то с криком: «За Родину! В бой!» уже носился по улице, у школы. Но шум вскоре утихал: ребят ждал завтрак, а там и занятия».

Четыре года Погорелка заботилась о приезжих детях. Но наступило то утро, когда пришли подводы... Клара Михайловна хорошо запомнила этот день. Повзрослевшие ребята ходили по деревне в последний раз, дышали ее свежим воздухом, прощались с добрыми людьми, которые стали им родными. Клара вместе с мамой стояла возле дома. «Вот, доченька, и домой едем...» — «Домой? Домой-то куда? Мы и так дома!» Заслуженная артистка России Клара Румянцева пишет: «Я так благодарна вашему краю за удивительное тепло и широту человеческой души. Люди здесь так необычны и красивы. И язык их (как говорил покойный ныне директор нашей школы Андрей Иванович) «самый правильный и самый красивый». Ах, если бы я была писателем! Я бы поэтичнейшую повесть написала и посвятила этому красивейшему краю. Ведь здесь, на сцене, в Погорелке, я впервые выступала как актриса. Здесь я полюбила всех людей на свете!»

Конечно, Клара Михайловна не могла забыть и такой эпизод: рухнувший пол на сцене, когда они с подружками провалились вместе с досками. Правда, это было не в Погорелке, а в пионерском лагере.

В конце июня 1943 года туда собрали шадринских девятиклассников — парней. Среди них был Иван Еланцев (шадринцы хорошо знают Ивана Григорьевича Еланцева, прекрасного баяниста). Он и тогда уже блестяще играл, поэтому военное начальство определило его культмассовиком в лагерь Освиахима. И вот однажды в тот лагерь пришли с концертом воспитанники Погорельского интерната. Девятиклассник Ваня Еланцев аккомпанировал им, сидя на табурете (сцена, кстати, была там же, где и в наши дни). Видно, слишком усердно топнули танцовки, среди которых была и Клара (она и пела, и танцевала лучше других). Или уж пол был столь обветшалым, но... Раздался треск, и все артисты провалились. Ваню спас баян — не дал упасть ему. Зато пра-

мо на баяниста свалились все девчонки. Да еще большой бак с водой туда же рухнул – всех окатило! И смех, и грех! Долго потом вспоминали, должно быть, этот случай и в Погорелке, и в Шадринске. Ивану Григорьевичу и сегодня хотелось бы узнать, помнит ли Клара Румянова тот эпизод. Написал ей даже письмо. Но, увы, ответа не получил. Может, письмо затерялось...

Иван Григорьевич хорошо помнит, что было в Шадринске много эвакуированных ребят и с Украины, и из Ленинграда, и из Москвы. Не раз они встречались с теми ребятами. А один из них даже брал у Вани Еланцева уроки игры на аккордеоне.

Звали его Эдик Колмановский. Вполне возможно, что это тот самый, ныне всем известный композитор Эдуард Колмановский, чью песню «Алеша» поет весь мир на разных языках. Песню о русском парне, символе народа-победителя, памятник которому стоит в Болгарии.

Среди эвакуированных детей были и дошкольники, и школьники разных классов. Были и те, кто пошел в Шадринске в первый класс. Среди них Марина Кириллова, ныне кандидат биологических наук, заместитель директора НИИ защиты растений в Санкт-Петербурге. Ее отец был известным морским военачальником, руководителем кафедры. С началом войны он стал одним из создателей «дороги жизни» на Ладоге. Затем командовал операцией на Волге, тремя десантами на Азовском море. Николай Константинович Кириллов, сын шадринской учительницы Эльзы Гансовны Кирилловой, погиб на Азовском море в 1944 году... Похоронен в Темрюке, куда к мемориалу героям Марина Николаевна и ее дочь Даша ездят почти ежегодно на встречи с ветеранами-моряками.

Накануне гибели капитан 2-го ранга Кириллов в беседе с одним из своих «учеников» по Академии (ныне писатель, автор ряда книг о героях-азовцах) Терентием Пантелеевичем Перекрестом признался, что очень тре-

вожится за свою семью: «Да, все нарушила проклятая война, все поломала. Меня очень волнует вопрос, как теперь живут мои – Машенька и дочурка Мариничка? Что с отцом? Он был совсем плох. Как у них дела в Шадринске?»

Мы встретились с Марией Кирилловой в мае 1994 года. Она хорошо помнит, как была эвакуирована с мамой по Ладоге сначала в Курган, потом – в Шадринск. Самое яркое в памяти – теплый плед, который спасал ее во всех теплушках и вагонах, на вокзалах и в каких-то случайных ночлежках (ведь дорога до Зауралья была для них очень непростой и долгой). Марина Николаевна чаще плакала, чем рассказывала...

Из шадринских впечатлений, прежде всего, остались стены первого этажа, где жила Эльза Гансовна – бабушка Маринки. Каменные стены, покрытые темно-зелеными полосами. Тогда ленинградский ребенок не знал, что это «стены цветут» или просто плесень. Одна печь топилась из коридора, куда выходило еще несколько дверей (квартира была коммунальная). Другая печь – в комнате. Ее топила тетя Поля, прожившая с юных лет всю жизнь с семьей Кирилловых, а потом похоронившая последнего члена этой семьи в Шадринске – Эльзу Гансовну. Топили дровами и углем, запах которого Марина помнит до сих пор. Камень поглощал тепло, поэтому в квартире всегда было прохладно. Особенно зябли ноги. Зато когда наступала весна, приходил «вечный праздник»: под окном большой комнаты (всего комнат было две: одна крошечная, сходившая и за кухню, а другая с окном к соседнему дому – побольше) расцветал большой куст сирени. За ним – яблони. Обидно, но этот старинный, красивый сад вырубили при строительстве жилого пятиэтажного дома на углу Луначарского и Пионерской.

С наступлением весны другим праздником были встречи с Исетью. Одну Марину туда, конечно, не от-

пускали. Запомнился большой разлив. Видимо, такой же, как бывает и нынешними веснами...

Марина Николаевна вспоминает: «Пожалуй, самый большой праздник в Шадринске был для меня не весной, а осенью. Это когда меня наряжали в первый класс. Номер школы не помню, но она была недалеко от нашего дома, за каким-то углом. Школа небольшая, в однотажном доме». Скорее всего – это нынешний Дом работников просвещения, где прежде была школа.

В ее первом классе появилась и первая шадринская подруга – Нина. Фамилию, к сожалению, Марина Кириллова вспомнить тоже не могла. Но думается, что если жива та самая Нина, которая дружила в первом классе с ленинградской скромной девочкой Мариной (имя ее было тогда довольно редкое для Шадринска!), то она не должна забыть эту эвакуированную Марину. Может быть, и откликнется...

Марине Кирилловой запомнился общий стиль жизни в доме бабушки: спокойный размеренный порядок. Несмотря на голодное время – всегда красиво сервированный стол. Конечно, чаще полупустой. Но красивый. Традиционный прибалтийский порядок, которому Эльза Гансовна была всегда верна, хотя прожила всю жизнь в Шадринске. Вот этот порядок запомнился и эвакуированной Марине. Еще помнит она, что часто приходили к бабушке немолодые люди, вели тихие беседы. И обязательно бабушка чем-нибудь им помогала, что-нибудь им давала. Возможно, это были те самые переселенцы из Молдавии, которых Эльза Гансовна обучала немецкому языку. Например, она и меня потом познакомила с одной из тех людей – с Анастасией Меркурьевной Самсоновой («Настенькой»), которая не очень хорошо знала русский и уж совсем не знала немецкого! Маринина бабушка обучила ее и тому, и другому. Более того, «Настенька» сдала экстерном на право преподавать немецкий. И когда их семью реабилитировали, она

уехала назад в Молдавию, всю жизнь преподавала там немецкий и стала даже заслуженной учительницей Молдавии. Вот тех людей, видимо, сегодня вспоминает Марина Кириллова. Тяжелые дни им было легче переживать за большим и трудным делом. Следует помнить, что ее бабушка еще и работала! Но после уроков в школе, после занятий в пединституте или в полиграфическом институте, эвакуированном из Москвы, она успевала помочь осилить языки и тем, кто приходил в их дом.

Марина Николаевна призналась, что очень-очень хочет побывать в Шадринске, встретиться с теми, кто помнит ее. Хочет побродить по тихой улице Луначарского, посидеть на берегу Исети, опустив босые ноги в воду. Должно быть, это ощущение не может исчезнуть, хотя с тех пор много разных рек и морей она видела-перевидела. В прошлом году, например, она работала в Австрии. Отдыхала на прекрасных озерах. Но Исеть, как и для Клары Румяновой, осталась навсегда «сказочной речкой».

Была у меня еще одна встреча, имеющая отношение к эвакуированным в Шадринск детям. В редакции «Советской педагогики», в Москве, седая корреспондентка печатала на машинке свой какой-то материал, когда я вошла и спросила, там ли редактор. Тогда им был Spartak Черняк. Женщина подняла на меня глаза: «Ты откуда?» Говорю: «Из Шадринска». Она как вскрикнет, как подскочит ко мне: «Милая ты моя, хорошая ты моя! Я ведь в Шадринске была в эвакуации». Разговорились. Оказалось, что она, Антонина Ивановна Фотеева, тогда работала в ЦК комсомола и ей поручили везти в Шадринск детей красных командиров. Как те дети воспринимали все, что увидели и услышали в нашем kraю, мне показалось очень интересным, и я записала кое-что из рассказов Антонины Ивановны Фотеевой.

«Приехали, наконец-то, в Шадринск, о котором прежде и слыхом не слыхивали. Там нас, может, и ждали, но

устроить уже было некуда – все забито и занято. Отправили в Ермаково. Знаешь такую деревню? Устроились. Я пошла в школу работать. Школа маленькая. Ребят тоже мало. В основном и учились те, кого привезла. Но было и так: есть семья учеников в классе из местных ребят и шесть из них – Саши Свинины, к примеру. Приходилось вызывать так: «Идет отвечать Саша Свинин-пятый!». Моим москвичам смешно! Вот, например,зываю я к карте Сашу-третьего и говорю: «Покажи, где Волга». Сама понимаешь, Волга была тогда особо значима. Тот выходит и тычет (карандашом или пальцем) в карту. А с первой парты Саша-второй говорит: «Серет!» Ему в тон Саша-пятый: «Серет!» В перерыве московские ребята спрашивают: «Антонина Ивановна! А что они говорят?» Я сама не знаю, никогда не слышала такого слова. Спрашиваю у другой учительницы (нас только двое и работало в школе). Она говорит мне: «Серет? Ну, врет, значит!» Я, в свою очередь, объяснила московским ребятам, что это слово-синоним слову «врет». И никаких подтекстов мы не знали! Это уж потом, наверное, мои московские дети узнали еще какой-то смысл этого слова. А тогда мы узнали только одно: «серет» – это «врет».

Антонина Ивановна рассказывала о том, что вся деревня Ермаково заботилась о детях красных командиров. Тем более что многих из отцов уже не было тогда в живых. Относились к детям Москвы как к «сироткам». А за отца им был один-единственный в деревне мужик – хромой школьный сторож и конюх. Скорее всего, именно он был для ребятишек за рассказчика и за учителя по хозяйству (пилить, колоть, воду таскать и прочее). Возможно, кто-то в деревне и еще был из мужиков, но Антонине Ивановне запомнился один безногий сторож-конюх. Она и по сей день считает, что он был один на всю деревню. С некоторыми из тех ребят, кого она тогда привезла в Шадринск и Ермакову, она и сегодня пе-

резванивается в Москве. Встречаться просто было некогда. Ведь все на работе... Но и по телефону все они, смеясь, вспоминают, как в одном классе уживались несколько человек с одинаковыми фамилиями и именами.

Давно не только выросшие, но и успевшие состариться, бывшие эвакуированные дети, о которых даже песни сложены («Мы все войны шальные дети...»), не забыли своих учителей, первых зауральских друзей, одноклассников. Так, Клара Румянова называет фамилии Суворовых, Поповых, Фоминских, Вахониных, Семёновых, Быковых. Марина Кирилловна помнит Нину Антонина Ивановна Фотеева назвала Свининых. Все эти фамилии есть в Шадринске и в районе и сегодня.

Валентина Платоненко
г. Шадринск